

Лиса Патрикеевна — эпизод 1 из 2

Сговорила Лиса-Патрикеевна с кумом волком по-дружески жить, что добудут пополам делить.

Стянет волк где барашка или теленочка, выбежит на горку -- кума, иди! -- закончить -- и кума перед ним словно из земли вырастет.

-- Уж какой ты, кум, ловкий да какой ты, кум, сильный, и добрее-то тебя зверя на свете не сыщется, начнет Лиса-Патрикеевна выхвалять волка. -- Уж кабы мне твою силу, да ловкость, да смелость -- я бы тебя, куманек ты мой милый, за одну зиму жирнее свиньи откормила. А то что я теперь? Дело мое женское, слабое, птица нынче стала такая всё бойкая, непокорная, даже куры уж против меня огрызаться начали, а с гусем или с индейским петухом лучше и не связывайся; заклюют, зашиплют, да еще и на смех поднимут. Уж подлинно сказать, не будь тебя, куманек: давно бы с голоду околела! Мне, признаться, и совестно уж становится всё твою хлеб-соль есть, а самой ни разу тебя не подвигать, да уж нечего делать, попрошу до весны, до цыплят, подождать. Так увещала Лиса-Патрикеевна кума волка, когда тот приглашал ее покушать своей добычи, сама же ни чем не делилась; а слухи носились, что не было ночи, когда бы лиса не очистила чьего-нибудь курятника.

Дошли эти слухи и до кума. Тот начал лису подозревать в лукавстве, поприглядывать за ней, и почаще к ней в нору понаведываться.

Раз как-то мужичек из деревни выехал на речку половить рыбки. Удача была хорошая: что не закинет блесенку, то или окунь золотой полосатенький или лещик пузатый или щучка зубастенькая.

Как эта рыбка прыгала на льду, замерзая кочерилась; как мужичек поклат рыбку в сани; как он поехал путем дорогой восвояси -- всё это видела Лиса-Патрикеевна из лесу, сидючи на высоком дереве.

Больно захотелось лисоньке этой рыбки покушать. Переметнула она в уме, соскочила с дерева, забежала впереди мужичка и растянулась поперек дороги, прикинувшись мертвой.

Мужичек едет себе потихоньку, лошадку понукает, да кнутиком помахивает. Вдруг видит -- посреди дороги лисица лежит. Остановил он лошадку, поднял лису, потрепал, погладил -- шерсть пушистая, а лиса мертвая.

"Вот, думает, находка-то нечаянная! шкурку сдеру -- на базаре продам, а на деньги жене сарафан сошью, да ребятишкам пряников накуплю."

Положил мужичек лису в сани, вместе с рыбой, да рогожей покрыл, а сам не сел на воз, а подле лошадки пошел.

Идет -- песни попевает на радостях, кнутиком по снегу похлестывает, да

смекает в уже, как бы подороже лисью шкурку продать, да кроме сарафана и пряников, себе шапку купить.

А лиса, как заметила, что мужичек не смотрит за ней -- и давай в санях дырку прогрызать. Прогрызла дыру пребоольшую: рыбку вытаскала -- сама выскочила; мужичек едет в город -- а лиса рыбку в нору таскает.

Только что успела она перетаскать рыбку, сесть под окошечко, да у лещика головку отъесть -- смотрит, кум к ней в гости идет.

-- Здравствуй кумушка! Вот как ты нонича поживаешь: рыбку покушиваешь, а меня не поподчуешь.

-- Ах, куманек ты мой милый! затараторила Лиса-Патрикеевна; -- только что с ловли пришла, о первом о тебе вспомнила, хотела было пойти попросить тебя в гости, да замаялась больно, села вот отдохнуть, червячка заморить. Отведу, мол, душу маленько, да сейчас и за тобой сбегаю. Присядь, куманек, да покушай хоть щучки, да смотри осторожнее, а то косточкой подавишься.

Кум сел, начал есть, ест, да спрашивает: "Где это, кума, удалось тебе таким кушаньем поживиться?"

-- На речку ходила, сама наловила -- хочешь тебя научу?

Волк согласился и они, дождавшись ночи, отправились на охоту.

Лиса привела волка к прорубке, посадила его на самый край, а хвост в воду опустить велела.

-- Ты вот так посиди, куманек, подольше, так видимо-невидимо к тебе на хвост всякой рыбы намерзнет.

Волк сидит, а Лиса-Патрикеевна ходит вокруг прорубки да приговаривает: Ясни, ясни на небе, мерзни, мерзни волчий хвост.

-- Ты что там, кума, приговариваешь? -- спросил волк.

-- Я говорю: ясни, ясни на небе. Липни рыбка к волчью хвосту.

Волк соскучился сидеть, захотел привстать, а хвост-то примерз, не пускает.

-- Что-то уж очень тяжело, кума, -- сказал он: -- не пора ли вытаскивать? Чай, уж много налипло рыбы-то.

-- Нет, куманек, еще рано. Посиди еще немножко -- пусть уж сразу побольше налипнет -- ответит Лиса-Патрикеевна, и сама опять начнет ходить да приговаривать: ясни, ясни на небе, мерзни, мерзни волчий хвост!

И досидел кум -- когда уж светать начало; бабы из деревни пришли за водой к прорубке, увидели волка и давай его коромыслами бить.

Волк вертелся, вертелся, никак не мог вытащить хвоста из прорубки: примерз очень. РванулсЯ посильнее да и оторвал его, да так без хвоста и ушел.

Подбегает волк к лесу -- видит лиса по снегу валяется, стонет да охает.

-- Что ты, кума?

Волк поверил, что кума от чистого сердца так убивается, сжалился над нею, положил на спину и понес на себе.

Несет он лису, а она лежит да приговаривает: битый небитого несет; битый небитого несет.

-- Что ты там, кума, говоришь? -- спросил волк.

-- Ох, уж я и сама не знаю, что брежу. Голова так кругом и ходить, и в глазах туманится.

Так и донес волк лису до норы, положил на постель, а сам побежал к знакомому шубнику просить, чтобы хвост новый пришил: совестно было без хвоста-то ходить по лесу, смеяться все будут.

Через несколько времени, слышала Лиса-Патрикеевна, что сосед медведь чей-то пчельник ограбил; всё, что там было, поел, а одну кадку меду про запас оставил; на весну жениться собирался, так невесту полакомить хотел.

Одним утром медведь только что глаза успел продрать -- лежит да с боку на бок поворачивается, сны на память приводить да разгадывает, вдруг слышит кто-то стукнул в дверь. Отворил -- лиса.

-- С добрым утром, Михайло Иванович! -- поздравила Лиса-Патрикеевна.

-- Добро пожаловать, милая соседushка, приветил Михайло Иваныч. -- Что так раненько пришла?